

П. Г. ШИРЯЕВА и В. А. КРАВЧИНСКАЯ

Две былины в записях конца XVII—XVIII вв.

Ценность старинных записей фольклорных произведений признана наукой давно. Именно благодаря немногим сохранившимся в рукописях XVII—XVIII вв. текстам есть возможность наблюдать на протяжении трех столетий процесс, с одной стороны, развития фольклора в меняющихся исторических условиях, с другой, — усвоения фольклорного памятника книжной средой. Вместе с тем старинные записи наглядно представляют отношение книжной поэтики и литературного языка XVII—XVIII вв. к устно-поэтической речи того же времени, вскрывают их взаимодействие. История русской литературы и литературного языка, как и фольклористика, одинаково заинтересованы в накоплении возможно большего числа старинных фольклорных текстов, чтобы на их материале поставить и разрешить ряд исторических проблем.

В рукописном собрании Н. П. Лихачева, хранящемся в архиве Ленинградского отделения Института истории АН СССР, научным сотрудником Сектора древнерусской литературы Института литературы АН СССР В. И. Малышевым найдены два текста былин, существенно дополняющие уже опубликованный материал. Былина об Иване Годиновиче впервые предстает перед исследователями в своем старинном облике: до сих пор старшим из известных ее текстов был тот, который читается в Сборнике Кириши Данилова. Былина об Илье Муромце, освобождающем город Себеж (из рукописи № 287), известна в нескольких записях XVII—XVIII вв., однако вновь найденный текст дает к ним интересные дополнения и разночтения. Обе находки были переданы В. И. Малышевым в сектор фольклора ИЛИ АН СССР и подготовлены к изданию научными сотрудниками этого сектора П. Г. Ширяевой (Иван Годинович) и В. А. Кравчинской (Илья Муромец).¹

¹ Издание передает тексты строка в строку, в соответствии с рукописями. В орфографию подлинников внесены некоторые упрощения: опускается конечный *ер*; *i*, *ук*, *ю*, *юс* малый, *а* йотированное, *омега* передаются через *и*, *у*, *я*, *о*; пунктуация введена современная.

I

Былина об Иване Годиновиче

Среди старинных записей русских былин до сих пор не было известно ни одного текста былины об Иване Годиновиче. Такой текст нашелся в собрании Н. П. Лихачева в архиве Ленинградского отделения Института истории АН СССР.

Рукопись, в 16-ю долю листа на 54 листах, частично была пронумерована чернилами, но полностью нумерация нанесена позднее. Рукопись писана полууставом и скорописью конца XVII—начала XVIII в.; переплет — частью потлевшая папка, оклеенная цветной бумагой с разводами зеленого, красного и коричневого тона на белом, пожелтевшем от времени, фоне.

Сборная рукопись содержит духовные и светские статьи, расположенные в следующем порядке: 1) лл. 1—8. „Лествица красне возводящая человека к крайнему блаженству“; 2) на л. 9-м, бывшем ранее не заполненным, позднее написано: „Ратман Андреев Марков“. Ниже на том же листе два раза написано: „Во имя отца и сына и святого духа аминь“. Это единственный листок, на котором сохранилась фамилия владельца рукописи; 3) лл. 10—19 об. „Сказание о Тязиоте, воскресшем из мертвых в третий час“; 4) лл. 19 об.—22 об. „Слово о тати гробнем како спасесе покаянием“; 5) лл. 22 об.—23 об. „Поучение святых отец да никто же на богатство свое уповает“. Рукопись оборвана на слове „при...“; 6) другим почерком лл. 24—26. „Поучения“ (без начала); 7) лл. 27—28 об. „Слово святого Кирилла о бесстрашии“; 8) новым почерком, лл. 29—32 об. „Небреши иже бо что таковая начиная уподобился еси мужу иже на воде води коло, а по сухой земли корабль“ (текст оборван); 9) лл. 33—39 об. Былина об Иване Годиновиче, без начала; первые слова: „за Вахромия Вахромиевича“; 10) лл. 40—43 об. „Идеже апостол Павел к Тимофею“; 11) л. 44. „Чины небесные и земные“; 12) л. 44 об. „Огради мя святой отче“; 13) лл. 44 об.—45 об. „Во всядневном евангелии пишет Иоанн Богослов о грому и молнии“; 14) лл. 45 об.—54 об. „В беседословце пишет о льстивых человецех притцею сею“.

Былина об Иване Годиновиче занимает в рукописи, по старой нумерации, листы 21—26 (по новой 33—39). Водяной знак бумаги — голова шута с бубенцами указывает на конец XVII или первое десятилетие XVIII в. Былина написана без деления на стихи (всего 183 строки) ясным четким почерком; легко укладывается в распевный стих. Приводим фрагмент рукописного текста (см. рукопись, листы 20 и 20 об.), расположенный былинным стихом:

Выходил Дмитрий гость — богат купец
 На свое на крылечко на красное,
 Сам зговорит таково слово:
 Гой еси, Иван Годинович,

Что ты ко мнѣ на двор нечесно взѣхал
 И говоришь со мною безописьно?
 Проговорят Иван Гоудинович:
 — Гой еси ты Дмитрей гость богатой купец,
 Дя тово яз на двор к тебѣ нечесно еду,
 Дай ты за меня чядо свое милое
 Красну Настасью Дмитриевну с любовью великою.
 Волею дашь и неволею возьму,
 Силою батырскою, а грозою княженецкою.

Начало былины в рукописи не сохранилось: совершенно очевидно, что лист, на котором оно было написано, утерян, так как на л. 20 текст начинается с середины фразы. Предположительно начало может быть восстановлено по варианту былины об Иване Гоудиновиче, вошедшему в сборник Кириши Данилова,¹ который в некоторых частях, особенно в первой половине, довольно близок к тексту рукописи Лихачева. Зачин былины Кириши Данилова повествует следующее (стихи 1—73). На пиру у Владимира происходит разговор о женитьбе Ивана Гоудиновича. В ответ князю Иван Гоудинович жалуется на свое холостяцкое житье. Под диктовку Владимира пишется „скорописчат ярлык“ к Дмитрию Черниговскому. Иван Гоудинович едет свататься. Оказывается, что Дмитрий купец уже просватал свою дочь за Афромей Афромеевича, о чем сообщается Ивану Гоудиновичу:

Ноне Настасья просватана,
 Душа Дмитриевна запоручена
 В дальню землю загорскую
 За царя Афромей Афромеевича.

Семьдесят третьему стиху Кириши Данилова соответствуют начальные слова рукописи Лихачева

За Вахромя Вахромиевича.

Следующие за этой строкой слова рукописи

И ты как себѣ начашься, во-
 лею даст и неволею возми, си-
 лою возми батырскою, а грозою
 княжецкою великого князя Вла-
 димера

можно полагать, являются ответом-наказом князя Владимира Ивану Гоудиновичу, возвратившемуся в Киев после неудачного сватовства.²

¹ Древние российские стихотворения, собранные Киришею Даниловым. Изд. под ред. П. Н. Шеффера, СПб., 1901, № 15.

² Аналогичный наказ имеется в быляне из сборника Кириши Данилова:

Поежай ты о добром деле о сватанье,
 Честью не даст, ты и силою бери

Этот момент как угроза Владимира или похвальба Ивана Гоудиновича и его дружиня сохранился в позднейших записях (Песни, собранные П. В. Киреевским, выг. III, М.).

После следующих строк (6—7) рукописи

Как будет Иван Годинович
Под городом Черниговым

начинается последовательное изложение содержания былины о сватовстве Ивана Годиновича.

Что отсутствующее в рукописи Лихачева начало былины механически отпало от полного некогда текста, совершенно очевидно: не мог писец начать его с последних слов фразы. Но возникает вопрос: что представляет собой в целом найденный текст — записанную по памяти или на слух былину, или сжатое изложение ее? Наблюдения над текстом показывают, что мы имеем в данном случае пример именно сжатого пересказа, в котором книжник время от времени пропускает даже такие подробности, которые в других эпизодах он сохраняет. С другой стороны, он то идет за былинным стихом, то переводит его на прозаическую речь.

Например, приезд Ивана Годиновича в Чернигов в записи передан чрезвычайно кратко; в сущности писец только сообщает о приезде: „Как будет Иван Годинович под городом Черниговым“. Между тем в былине, как мы ее знаем по позднейшим записям, подготовка к отъезду и самый отъезд описываются с целым рядом подробностей.

В записи Кирши Данилова Иван Годинович отправляется в Чернигов с тремястами воинов. По пути он „разъясчивает“. С этой целью рассылает он своих воинов по трем дорогам, чтобы подготовить подарок князю Владимиру, и уже один продолжает свой путь к Чернигову. В записи А. М. Астаховой¹ от Никифора Семенова, 75 л. (Мезень, Лешуконский р-н, д. Белошелье) описан подробно момент подготовки к отъезду: после того как Владимир высказывает отрицательный взгляд на женитьбу Ивана у короля ляховинского, Иван, рассердившись на Владимира, убегает за благословением к родителю, затем начинает седлать коня. Очень подробно описывает сказитель подготовку коня к отъезду, наконец самую поездку к королю ляховинскому.

Другим примером сжатого изложения в рукописном тексте является описание гнева Ивана Годиновича, узнавшего, что Настасья просватана в дальнюю землю „во лабскую“. В словах писца осталась краткая характеристика рассерженного Ивана Годиновича, мало раскрытая дальнейшим повествованием:

.. Неунимчиво сердце
багатырское молада Ивана Годиновича...

1878, стр. 13. Песни, собранные П. Н. Рыбниковым. Изд. 2-е, т. II, М., 1909, № 13; Онежские былины, записанные А. Гильфердингом. СПб., 1873, №№ 179 и 275). То же у А. В. Маркова (Беломорские былины, М., 1901, № 78): Иван сам собирается с боем взять себе невесту, если ее не отдадут „честью“.

¹ Былины Севера. М.—Л., 1938, № 29.

Эта краткость будет еще более очевидной при сравнении с пространным описанием Кирши Данилова. Иван Годинович, после отказа, в гневе уезжает обратно в Киев и обращается к Владимиру, рассказывая подробно о своей неудачной поездке. Киевский князь остро отзывается на эту обиду, посылает воинскую силу. Иван вновь является в Чернигов и уже силою берет себе невесту.

Очень подробно очерчен образ рассерженного отказом Ивана Годиновича в записи Маркова (№ 78):

Как ёго шевелились плечи богатырские,
Разъерилось ёго да ретиво сердце,
Раскипеласе ёго кровь горячая,
А хватил-то он свою да саблю вострую,
Он как начал по столам сабелькой помахать,
Заревели тут татаровья поганья,
А король-от под столы ти все пеханться,
Соболиной черной шубой закрывається...

Аналогичное выражение гнева видим в записях Гильфердинга (№ 51), Рыбникова (т. I, № 33). В других менее подробных вариантах сказители также останавливаются на описании гнева жениха, вызванного отказом отца невесты (Марков, № 14; Тихонравов и Миллер, № 43¹ и др.).

Мало связаны с упоминавшимися выше словами о гневе Ивана Годиновича строки рукописи о пире в доме черниговского купца Дмитрия, не встречающиеся в таком контексте среди живых записей. Пиршество в доме невесты и отъезд Ивана Годиновича происходят, несмотря на явное противоречие, в мирной обстановке:²

... Неужимчиво сердце
багатырское молада Ивана Годи-
новичя, не меды сытить не пи-
ва варить, походило во гридне
столованье почестное, садилсь
за столы за дубовы за ветвы
сахарные и за питья медвяные.
Имал Настасью за белы руки за

¹ Н. С. Тихонравов и В. Ф. Миллер. Русские былины старой и новой записи. М., 1894.

² Почти во всех живых записях, начиная от Кирши Данилова, отъезд Ивана Годиновича происходит вопреки отцовской воле.

Добром мы у тебя сватался,
А сватался Владимир князь;
Не мог ты честью мне отдать —
Ноне беру и не кланяюсь.
Вытащила ее среди двора...

(Кирша Д., строка 145).

В записи А. М. Астаховой (Былины Севера, № 29) Иван Годинович, увозя Настасью Бугригорьевну, так отвечает на приглашение:

На приезде нонь гостя не уютчевал,
На поезде нонь гостя, нонь не уютчуешь.

(строки 72—73).

ея за перстни злаченыя, бьет
 челом Иван Гоудинович Дмитрею
 гостю богату кущу на хлѣ-
 бе да на соли, сам пошел вон
 из гридни столовые и скоро садил-
 ся на конь с добрыми молодцы с уда-
 льми...

Сжатость отдельных частей былины особенно выделяется на фоне широкого эпического описания характерных моментов в изложении сюжета. Отъезд Ивана Гоудиновича из Чернигова (в рукописи) происходит вместе с дружиной. Остановившись в чистом поле, рассылает Иван Гоудинович своих воинов с поручением:

... а добрым молодцам говорит Иван
 таково слово: пойдѣте вы,
 удалые добрые молодцы, первое
 сто на лѣсы на темныя и убейте
 вы лань златорогую к моему столу
 брачному, а другое мое сто <молодых> моло-
 дцев <подите> далече во чисто поле и убейте
 вы мне диково вепря.
 Вы гой естя <третье сто> вы, добрые молодцы
 удалые, подите вы на заводи
 тихие насѣтрѣляйте мне къ
 столу брачному много гусей
 и лебедей. И как развѣхалась ево
 вся дружина хоробрая на ловы
 звѣриныя на ево участие великое.¹

Не менее подробно описаны погоня Вахромия Вахромиевича за Иваном и Настасьей и первый момент поединка:

... И как учюл поганой царь²
 что не стало красные Настасьи
 в Черниговѣ у гостя у Дмитрия,
 обвѣртывался он ясным соколом
 и скоро летѣла из-за синя моря
 и к лесу темному, обвѣрнулся он
 гнѣдым туром и выходил на поле
 на чистое, и обвѣртывался он
 молодым молодцом. Как будет

¹ Из этого отрывка мы узнаем о наличии дружины, ездившей в Чернигов с Иваном Гоудиновичем. В большинстве записей этого сюжета Иван Гоудинович отправляет свою друину, поехавшую или ездившую с ним в Чернигов, то за подарками для князя Владимира, то с извещением о благополучном возвращении в Киев. Для примера сошлюсь на Киршу Данилова (№ 15), Гильфердинга (№№ 51, 83, 179, 183, 256, 275). В рукописи Иван Гоудинович отправляет друину на охоту с особым назначением — наловить „питеры и вѣдры“ для брачного стола.

² Более подробно об извещении поганого царя говорится у Кирши Данилова (№ 15, строки 159—174); „сорописчатый ярлык“ извѣщает король Ляховинский „царишша Вахрамеишша“ (Марков, № 78, строки 141—175); через гонца узнает король „земли Ляховинския“ об увозе „Оводты лебедь белые“ (Ефименко, стр. 15).

он у шатра Иванова, сам згово-
рил таково слово: гой еси ты, мо-
лодый Иван Годиновичь, выди
ты вон из бѣла шатра полотня-
ново, мнѣ хочется с тобою
перевѣдаться и перемирье
взять о красной Настасье
Дмитриевнѣ. Выходил
Иван Годиновичь в однѣх чюлках
и без чеботов, в одной сорочкѣ
и без пояса, имал Иван Годиновичь
поганово царя за белы руки,
ударил царя о сыру землю мате-
рую, налня под ним земля по-
тряслася, садился Иван царю поганому
на белы груди, вынимал он свой
булатный ножь, на мусате
ножичек наставлявает,
хочет он у царища поганово
спороть груди бѣлмя и закрыть
очи ясные.

Строки, рассказывающие о возвращении дружины с лова, диалог между Иваном и участниками свадебного поезда воспроизводят не тронутый рукой писца народный вариант.

. . . . . Мал
чяс поизойдучи, приехали
ис поля добрые молодцы его
удалые, привезли питеры
и ѣдры всякие. Проговорит
Иван Годиновичь: ненадобет
мнѣ ни питера ваша ни
ѣства сахарная, потому
что яз для Настасьи красные
немного <сам> головы не отстал,
от тово царища поганово Ва-
хромия Вахромиевича. Вы
гой естя, мои братцы това-
рищы, отликые удалые добрые
молодцы, вы седлайте скоро
добры кони, поѣдем мы к го-
роду ко Киеву к великому
князю Владимиру.

Несмотря на то, что писец разрушил в некотором отношении живую былинную речь, все же он сохранил яркость народных образов, целостность сюжетных линий данной былины, традиционно закрепившихся не только в этом рукописном тексте, но и во многих других богатырских былинах, в оборотах, выражениях, характерно рисующих поведение их героев.

Что же касается лексики и синтаксиса былины, то рукопись довольно явственно сохранила особенности языка своего времени. Так, мы находим в ней редко встречающіеся в живом современном былинно-песенном обиходе, но популярные в XVII—XVIII вв. следующие слова и выраже-

ния: безопышно,¹ мал час поизойдучи,² питера и едера,³ отликые,⁴ дуб кряковистый,⁵ переведаться.⁶

Переписчик сохранил специфические особенности былинного стиха, отдельные частицы, местоимения, союзы — „что“, „как, как будет“, обычно используемые в былинном стихе в значении „когда“, „почему“, например: „Как будет Иван Гоудинович под городом Чергиговым“, „Как будет Иван Гоудинович среди двора гостинова“, „И как разъехалась ево вся дружина хоробрая“, „И как учул поганой царь“, „Как будет у шатра Иванова“, „И ты как себе начашься“, „Что ты ко мне на двор нечестно въехал“.

Диалектизмы текста: наля (так, что даже), мусатичек (точило), наста-вливаает (точит), начашься (думаешь, предполагаешь), учул (услышал), на хлебе да на соли, перемирье, ладити, сытить, имал, разъехалась и многие другие лексические особенности языка не позволяют отнести рукопись к какой-либо определенной местности. Судя по почерку и правописанию рукописи, писал ее человек весьма грамотный, наличие же диалектизмов рядом со славянизмами объясняется тем, что в XVII в.

¹ „И приѣхал Бова в Рохленское царство и въѣхал Бова на каралевской двор безопышачно“, XVII в. (Сказания про храброго витезя про Бову Королевича. Библ. старо-русс. повестей, М., 1915, стр. 47).

² а) „Егда же хотяху его проводити, впаде в великую болезнь и в малом часу умре“, 1670 г. (Книга, глаголема козмография сиречь описание сего света земель и государств великих. СПб., 1878—1881, стр. 70). б) „Изволь, гоударь, из приказных прислать к Москве на погешной двор тотчас не отлагая ни малого часа, чтоб те люди стали на Москве от сего 17 числа ноября впредь к десятому дни“, 1698 г. (Акты, относящиеся до юридического быта древней России. Под ред. Н. Калачова, СПб., т. II, 1864, стр. 629). в) „По малем же часе прииде к Григорию некто от ближних палаты царевы с повелением царским, вея ему ити в царствующий град Москву без сумнения, не бояся враждебников своих“, XVII в. (Материалы для истории раскола за первое время его существования. Под ред. Субботина, 1875, т. I, стр. 298).

³ а) „Ведели отпустить для проса в Шелохову кабарду к Кенмамерь Ибакову купить на едеру, что не стало у них хлеба“ (Посольство стольника Толочанова и дьяка Иевлева в Имеретию 1650—1652. Изд. Полиевктова, Тифлис, 1926, стр. 103). б) *Питера* — питье, напиток (Даль, Архангельская губ., Шенкурский у.).

⁴ Разный, несходный, несхожий, различный, иной, другого виду (Даль).

⁵ Очень популярное слово: а) „В поле стоит дуб кряковист велик добре“ XVII в. (Сказки об Уруслане Задазаревиче. Летописи русской литературы и древности, изд. Н. Тихонравовым, М., 1859, т. II, отдел II, стр. 113; б) „А с того дуба и с грани у речки Гвоздевки на берегу стоит дуб кряковист“, 1683 г. (Материалы для истории Воронежской и соседних губ. Воронеж, 1837, т. I, стр. 127; в) выражение „дуб кряковист“ неоднократно встречается: в Писцовых книгах Рязанского края XVI и XVII вв. Под ред. В. Н. Сторожева, Рязань, 1900, т. I, вып. 2, стр. 738, 739, 750; Кирша Данилов, стр. 40; П. Рыбников, т. I, стр. 29; А. И. Соболевский. Великорусские народные песни. СПб., 1902, стр. 283 и др.

⁶ а) „Крымской сего лета ко Мценску приходил, Мценские казаки с ним переведався, прочь его от украины отбили“ (Памятники дипломатических сношений Московского государства с Польско-литовским государством, СПб., 1892, стр. 112, 1562 г.). б) Кирша Данилов, стр. 79. Григорьев. Архангельские былины и исторические песни, т. III, М., 1910, стр. 611. Тихонравов и Миллер, стр. 50—51.

„произношение образованных слоев общества, — пишет В. Виноградов, — не было регламентировано, не было «олитературено»“.¹ Твердых и обязательных норм общего „национально-разговорного“ языка еще нет. Ярким выражением этой фонетической и орфографической ненормированности городской устной речи является изданный Алексеем Михайловичем в 1675 г указ, в котором объявлялось, что „буде кто в челобитье своем напишет в чьем имени или прозвище не зная правописания, вместо о — а, или вместо а — о, или вместо ъ — ь, или вместо ѣ — е, или вместо и — ѣ, или вместо у — о, или вместо о — у, и иные в письмах наречия, подобные тем, по природе тех городов, где кто родился, по обыкlostям своим говорить и писать навык, того в бесчестие не ставить“.²

Хотя текст былины об Иване Годиновиче в рукописи Лихачева и потерпел значительные изменения под пером писца, а, может быть, был частично разрушен и в том оригинале, по которому познакомился с ним книжник, — однако в нем сохранились отдельные черты, утерянные в позднейших известных нам вариантах этого сюжета, начиная с записи в сборнике Кирши Данилова. Мотив отъезда Ивана Годиновича за невестой в сопровождении дружины численностью в триста человек полностью сохранился только у Кирши Данилова. Киевский князь, как рассказывается в сибирском варианте, предлагает Ивану Годиновичу взять войско в следующем составе: 100 человек из дружины самого князя, 100 из войск княгини, третья сотня из дружины Ивана Годиновича. В записи Гильфердинга (№ 51) сваты сопровождаются войском в 40 тысяч. Отметим кстати, что на неустойчивость этой редко встречающейся цифры указывают сами исполнители. В примечании к былине (№ 51) Гильфердинг пишет: „Прослушав эту былину, Иван Фёонов заметил, что и сам ее певал в прежнее время, с тою только разницею, что Иван Годенович... не взял предложенной ему Владимиром силы 40 тысячей и казны, а выпросил себе только в товарищи одного «Ефимка паромка»“. В былине, записанной Н. Ончуковым,³ Иван Годинович просит 30 богатырей. В сибирской записи В. Г. Тана-Богораза с Нижней Колымы говорится, что Владимир предлагает жениху, едущему свататься, „сто стрельцов, сто кулачных бойцов“.⁴

Обычно сопровождающая Ивана Годиновича дружина или богатыри или паробок уезжают по окончании сватовства, а иногда даже и раньше (Кирша Данилов) с докладом к князю Владимиру киевскому о благополучном исходе сватовства, о том, что Иван „в любви“ везет,⁵ либо силой

¹ Цитируем по изданию проф. В. В. Виноградова „Очерки по истории русского литературного языка XVII—XVIII вв.“ (ГИЗ, 1938, стр. 47).

² Там же, стр. 47.

³ Н. Е. Ончуков. Печорские былины. СПб., 1904, стр. 313 — 321.

⁴ В. Ф. Миллер. Новые записи былин в Якутской области. Изв. ОРЯС (1900 г.), т. V, кн. 1, стр. 50.

⁵ Онежские былины, записанные А. Ф. Гильфердингом, СПб., 1873, № 83.

берет¹ и т. д. Другое назначение дружины — охота. В живом бытовании отмечается отъезд сопровождавших жениха за зверями, предназначавшимися, главным образом, для подарка тому же князю Владимиру. Назначение охоты в рукописи Лихачева — иное. Иван Годинович приказывает привезти „питеры и едеры“ для своего стола брачного.

Чрезвычайно характерна сама манера обращения Ивана Годиновича к дружине. Такая форма разговора не встречается ни в одной из записей. У Кирши Данилова дружина разъезжается на охоту по приказу Ивана Годиновича:

Строка 100: Послал он за гнедым туром сто человек . . .

Строка 103: И за лютым зверем послал другое сто . . .

Строка 106: И за диким вепрем послал третье сто . . . .

В записи Гуляева² отправка богатырей на охоту происходит без участия Ивана Годиновича. Илья Муромец, Добрыня Никитич, Алеша Попович три раза „отсылают“ дружину по звериным следам. В рукописи же Лихачева Иван Годинович обращается к дружине со следующей речью:

. . . . . поѣдьте вы,
удалые добрые молодцы, первое
сто на лесы на темные . . . .

Ни в одной из живых записей не встречается такого описания возвращения с охоты дружины Ивана Годиновича. В единственном варианте — у Кирши Данилова — рассказывается о том, что отправленные на охоту дружинники возвратились с добычей для князя Владимира в Киев, а затем поспешили на выручку к Ивану Годиновичу. В рукописи Лихачева все три сотни возвращаются к Ивану Годиновичу уже после его расправы с Настасьей Дмитриевной. Дружина привозит богатую добычу,

. . . . . Мал
чяс поизойдучи, приѣхали
ис поля добрые молодцы его
удалые, привезли питеры
и ѣдеры всякие . . . . .

Но Иван Годинович наотрез отказывается от их даров:

. . . . . ненадобет
мнѣ ни питера ваша ни
ѣства сахарная . . . . .

говорит он своим воинам. Этот момент, также не встречающийся в живом бытовании былины, подготавливает слушателя к развязке, решению Ивана Годиновича.

В записи Ончукова, единственном близком варианте, добрый молодец после неудачного сватовства уезжает молиться богу „в пещеры во великия“. Возможно, что такая концовка былины в рукописи Лихачева явилась результатом поэтического взаимодействия с повестью о Горе Злочастье.

¹ Онежские былины, записанные А. Ф. Гильфердингом. СПб., 1873, № 51.

² Н. С. Тихонравов и В. Ф. Миллер. Русские былины старой и новой записи, М., 1894, № 42.

В комментарии А. М. Астаховой¹ дан свод различных предположений о возникновении и развитии былины об Иване Гоудиновиче. Вполне естественно, что часть вопросов, поставленных исследователями, получит новое разрешение в свете найденного старшего текста этой былины.

«Отрывок былины об Иване Гоудиновиче»

(л. 20) за Вахромия Вахромиевича

И ты как себѣ начяешся во-
лею даст и неволею возми, си-
лою возми батырскою, а грозою
княжецкою великого князя Вла-
димера. Как будет Иван Гоуди-
новичь под городом Черниговым,
у ворот приворотников не съпра-
шивал, а у дверей придверников,
но ударил <он> в ворота <стекочяты>² вострым копьем своим
воротечка ско<чи>ли серед двора и ра-
скололися и верей пошаталися,
тынинки всѣ повалилися. Как
будет Иван Гоудиновичь среди дво-
ра гостиново, выходил Дмитрий

(л. 20 об.) гость богат купец на свое на
крылечко на красное, сам зговорит
таково слово: гой еси, Иван
Гоудиновичь, что ты ко мнѣ
на двор нечесно взѣхал
и говоришь со мною безопсыло-
шно? Проговорит Иван Гоудино-
вичь: гой еси ты, Дмитрий
гость богатой купец, для
тово яз на двор к тебѣ нечесно
ѣду, дай ты за меня чядо свое
милое красну Настасью Дми-
триевну с любовию великою.
Волею дашь и не волею возму,
силою батырскою а грозою княже-

(л. 21) нецкою. Зговорит Дмитрий гость бо-
гатой купец молоду Ивану Гоудино-
вичю: как мнѣ с тобою будеть
ладити, у меня уже дочи просва-
тана за море за синее во сла-

¹ А. М. Астахова. Былины Севера, т. I. М.—Л., 1938, стр. 585—587.

² В ломаных скобках здесь и ниже помещаются слова, вписанные между строк: очевидно они были пропущены писцом и вписаны при проверке.

- вную землю во лабскую за царя
ща поганово за Вахромия Вах-
ромиявича. И ты как себѣ
начяешься ли уѣхати ко столному
граду ко Киеву к великому князю
въ ясны очи. Неунимчиво сердце
багатырское молода Ивана Годи-
новичя, не меды сытитъ не пи-
ва варить, походило во гридне
столованье почесѣтное, сядились
(л. 21 об.) за столы за дубовы за ѣствы
сахарные и за пѣтья медвяные.
Имал Настасью за белы руки за
ея за перстни злаченя, бьет
челом Иван Годиновичь Дмитрею
гостю богату купцу на хлѣ-
бе да на соли, сам пошел вон
из гридни столовые и скоро сяди-
лся на конь с добрыми молодцы с уда-
лыми, поѣхали они в чисто
поле, розставил Иван Годиновичь
бѣл шатер в чистом поли
и стал с Настасьею опочив дер-
жать, а добрым молодцам говорит Иван
таково слово: поѣдте вы,
(л. 22) удалые добрые молодцы, первое
сто на лѣсы на темныя и убейте
вы лань златорогую к моему столу
брачному, а другое мое сто <молодых> моло-
дцев <подите> далече во чисто поле и у-
бейте вы мнѣ диково вепря.
Вы гой естя <третье сто> вы, добрые молодцы
удалые, подите вы на заводи
тихие, насѣтрѣляйте мнѣ къ
столу брачному много гусей
и лебедей. И как розѣхалась ево
вся дружина хоробрая на ловы
звѣриныя на ево учястие вели-
кое. И как учюл поганой царь,
что не стало красныя Настасьи
(л. 22 об.) в Черниговѣ у гостя у Дмитрия,
объвертывался он ясным соколом
и скоро летѣл из-за синя моря
и к лѣсу темному, объвернулся он
гнѣдым туром и выходил на поле

на чистое, и объвертывался он
 молодым молодцом. Как будет
 он у шатра Иванова, сам згово-
 рил таково слово: гой еси ты, мо-
 лодый Иван Годиновичь, выди
 ты вон из бѣла шатра полотня-
 ново, мнѣ хочется с тобою
 перевѣдаться и перемирье
 взять о красной Настасье
 Дмитриевнѣ. Выходил

(л. 23) Иван Годиновичь в однихъ чулках
 и без чеботов, в одной сорочкѣ
 и без пояса, имал Иван Годиновичь
 поганово царя за белы руки,
 ударил царя о сыру землю мате-
 рую, наля под ним земля по-
 тряслася, садился Иван царю поганому
 на белы груди, вынимал он свой
 булатной ножь, на мусате
 ножичек наставлявает,

хочет он у царища поганово
 спороть груди бѣлыя и закрыть
 очи ясные. Възмолища цари-
 що поганое: Ой еси ты, Наста-
 сья Дмитриевна, выди ты

(л. 23 об.) вон из бела шатра, сворити с
 меня Ивана Годиновичя, яз
 тебя за себя возму, а станеш
 ты слыти царицею, и всѣ орды
 нам поклонятся. А как ты
 будеш, Настасья, за Иваном
 за Годиновым, и тебѣ слыть <будет> холо-
 пкою во дворѣ у Владимира ки-
 евсково. У всякие де у женщины
 волосы долги а ум короток, вы-
 ходила Настасья из бела шат-
 ра, имала Ивана за белу ногу,
 своротила ево с царища пога-
 ново, садился царищо на белы
 груди молоду Ивану Годиновичю.

(л. 24) Вынимает свой булатной нож, на
 мусатичке ножичек наста-
 вливает, хочет он спороть груди
 бѣлые и закинуть очи ясные.
 Сам говорит таково слово: для то-

во яз тебѣ белыхъ грудей вскоре,
Иван, не спорю, что ты скоро не
спорол у меня. И привязал он
Ивана ко сыру дубу кряковисту,
сам пошел, царицо поганое,
к красной Настасьѣ Дмитриев-
вне опочиѣ держать в бѣлой
шатер. По божье было по ми-
лости, а молоду Ивану по счя-
стию издавля поля чистово

(л. 24 об.)

прилѣтали два голубчика
малешенки, садилися на тот
сырой дуб. Выходил царицо
из бела шатра, имал Иванов
тугой лук и стрѣлял по тѣм
малым голубкам. Взвилася та
высоко калена стрела под о-
блаки и пала та калена съ-
трѣла поганому царицу в голо-
ву и расколело ему буйну главу
против сердца ретивово, и уда-
рило его о сыру землю ма-
терую. Выходила Настасья
красная из своего бѣла шатра,
сама зговорит таково слово:

(л. 25)

Охти яз, молода, согрѣшила,
от берегу отстала, а к другому
не пристала. Възмолища ей
Иван Годиновичъ: ой еси ты,
красна Настасья Дмитриев-
на, отвяжи ты меня от сыра
дуба кряковистого, а яз те-
бя не стану ни бить ни мучить,
толко лиш тебѣ поучение
дам, как мужи жен учят.
Отвязала молода Настасья
красная Ивана от сыра дуба.
Пришел Иван Годиновичъ к На-
стасье в бѣлой шатер, имал
свою сабелку булатную осьѣтрую,

(л. 25 об.)

сѣчет Настасье по колѣн но-
ги и руки по локот сѣчет, сам гово-
рит таково слово: тѣ мнѣ руки
и ноги ненадобет, которые

помогали царищу поганому.
И отрѣзал Настасье нос з губой:

ете мнѣ губы ненадобно,
которые целовали царища
поганово, вот тебѣ, Наста-
сья, воля на всѣ на четыре
стороны, хотя вдовой сѣди,
хотя замуж поди. Мал
чяс пойзойдучи, приѣхали
ис поля добрые молодцы его
удалые, привезли питеры

(л. 25) и ѣдеры всякие. Проговорит
Иван Годиновичъ: ненадобет
мнѣ ни питера ваша ни
ѣства сахарная, потому
что яз для Настасьи красные
немного <сам> головы не отстал,
от тово царища поганово Ва-
хромия Вахромиевича. Вы
гой естя, мои братцы това-
рищы, отликые удалые добрые
молодцы, вы седлайте скоро
добры кони, поѣд м мы к го-
роду ко Киеву к великому
князю Владимиру. Как будет
Иван Годиновичъ пред

(л. 26 об.) князем Владимиром киевским,
говорит Владимир таково сло-
во молоду Ивану Годиновичю:
Зѣдраво ты, Ива, под венцом
стал с красной Настасьею Дми-
триевною? Эговори г Иван Го-
диновичъ: „Свѣт государь ты
мой дялюшка князь Владимир
киевской, ѣздил яз к городу
Чернигову по Настасью Дь-
митриевну, яз для ради е-
я, Настасьи красныя, мзло
головы не отстал. Не хочю,
государь дялюшка, болши того же-
нитися, но хочю постричися,
потому что мнѣ в них участия
нѣт.

Конец багатырю.

II

История о двух сильных богатырех Илье Муромце
и Соловье-разбойнике

В собрании Н. П. Лихачева, принадлежащем Ленинградскому отделению Института истории АН СССР, имеется рукопись, числящаяся под № 287, озаглавленная „История о двух сильных богатырех Илье Муромце и Соловье-разбойнике“. Рукопись эта представляет собою тетрадь, сшитую из 5 листов грубой бумаги в четвертую долю листа и заключенную в синюю картонную обложку. На сгибах листов имеются неясные водяные знаки, в виде серпообразных линий, идущих параллельными рядами. При шивке листы перепутаны: за 1-м следуют 3-й, 4-й, 2-й и 5-й листы. В местах сшивки бумага подверглась тлению, не затронувшему текста.

Текст написан в сплошную строку, без разделения на стихи, одним крупным почерком, скорописью второй половины XVIII в. На 5-й странице пробы пера. При просмотре 5-го листа на свет заметны цифры 31, 2, 5 и неясные очертания строк, написанных поперек данной рукописи. Без просвечиванья эти цифры и строки не видны.

Публикуемая „История о двух сильных богатырех Илье Муромце и Соловье-разбойнике“ относится в основном к той редакции, которая названа Вс. Ф. Миллером, по упоминанию в ней города Себежа, а не Чернигова, „краткой“ или „себежской“, восходящей „к старинной народной традиции“.¹ Еще Л. Н. Майков, сличая сказания об Илье Муромце по рукописям XVIII в., пришел к заключению, что 4 следующих текста, относящихся подвиг Ильи Муромца к Себежу, представляют собою 4 списка одной редакции: в сборнике Буслаева № 92 (первой четверти XVIII в.), в сборнике Тихонравова № 222 (второй четверти XVIII в.), в списке Гос. Публичной библиотеки XVII, № 194 и в рукописи Забелина № 71 (оба последних списка 2-й половины XVIII в.). Списки эти объединены следующей схемой: 1) Илья Муромец выезжает из Мурома и кладет на себя заповедь великую — не вынимать оружия во время пути; 2) Илья освобождает Себеж от нападения трех царевичей, но отказывается остаться в этом городе; 3) Илья побеждает Соловья-разбойника и посещает села Кутузовы; 4) Илья является в Киев с пленным Соловьем, который своим свистом пугает князя Владимира; 5) за свои подвиги Илья приобретает милость князя.²

Л. Н. Майков сделал попытку восстановить на основе этих четырех списков древний памятник в таком виде, в каком он был „положен

¹ Вс. Ф. Миллер. Очерки русской народной словесности, т. III. М., 1924, стр. 91—96.

² Л. Н. Майков. Материалы и исследования по старинной русской литературе. СПб., 1891, стр. 3—8.

на бумагу еще в XVII столетии". Однако после опубликования Протопоповым найденной им близ Архангельска в дер. Верхние Валдушки рукописи 1748 г. под заглавием „Повесть о сильнѣм могучем богатыри Илие Муромце и о Соловьѣ-разбойнике“,¹ относящейся также к себежской редакции, схема Л. Н. Майкова была нарушена: рукопись Протопопова начинается с традиционного описания рождения Ильи-сидня и его исцеления странниками. Еще большие изменения в себежскую краткую редакцию внесла впервые изданная Б. М. Соколовым „Гистория о славном и храбром и сильном богатыре Илье Муромце сыне Ивановиче и о Соловьѣ-разбойнике“ (по рукописи И. Е. Забелина № $\frac{244}{1}$, второй половины XVIII в.),² с ее развернутым жизнеописанием Ильи Муромца и дополнительными эпизодами, боем Ильи с Тухманом царем и не узнавшим Илью слугой Торопом.

Тождественной забелинской рукописи № $\frac{244}{1}$ явилась опубликованная академиком А. С. Орловым „Гистория о славном и храбром и сильном богатыре Илие Муромце, сыне Ивановиче и Соловьѣ разбойнике“. А. С. Орлов назвал этот текст „вторым представителем данной редакции, заполняющим дефекты забелинского списка и, повидимому, старше его по времени письма“.³

Таким образом, схема Л. Н. Майкова осталась верной лишь по отношению к кратким себежским спискам. Рукопись собрания Лихачева является десятым себежским вариантом былины об Илье Муромце и Соловьѣ-разбойнике, тогда как более поздних списков (конца XVIII—первой четверти XIX в.) того же сюжета, но связанных с освобождением Ильей города Чернигова, — насчитывается всего четыре. Такое соотношение не может быть случайным, и, как это видно будет из последующего анализа исторических фактов, относящихся к городу Себежу, свидетельствует о ранней традиции себежских вариантов.

Все себежские списки могут быть разделены на следующие пять редакций: 1) к одному и тому же оригиналу восходят тексты Забелина № 71 и Барсова № 210, совпадающие между собою почти дословно; 2) к одной и той же редакции относятся списки Забелина № $\frac{244}{1}$ и Н. П. Лихачева № 74 (публикация акад. А. С. Орлова); 3) к одному оригиналу восходят списки Буслаева № 92 и Гос. Публичной библиотеки № 194; 4) список Ундольского, ввиду его отрывочности (имеется только зачин и концовка, характерные для себежских вариантов) не может быть возведен к какому-либо предшествующему списку; 4) незаконченный список Тихонравова № 222 восходит к неизвестному оригиналу; 5) спи-

¹ Живая старина, вып. 1, СПб., 1894, стр. 77 об.—82.

² Советская этнография, I, М.—Л., 1927, стр. 109—113.

³ Труды ОДРА, IV, изд. АН СССР, М.—Л., 1940, стр. 241—246.

сок Протопопова¹ также не имеет известного предшественника и значительно отличается от контаминированных вариантов Забелина № $\frac{2.4}{1}$ и Н. П. Лихачева № 74 такими существенными деталями, как упоминание „сельца Каптяева“, в котором якобы родился Илья, описание „сторби Соловья на двух дубах“ и подробности боя Ильи Муромца с Соловьем.

Особняком между всеми себежскими вариантами стоит описываемый текст из собрания Лихачева № 287. Сохраняя основные моменты кратких редакций, данная рукопись отличается от них эпическими картинами приближения Ильи к Себежу и боя за освобождение этого города. В этих деталях данный вариант сближается с текстами Забелина № $\frac{2.4}{1}$, Лихачева № 74, Буслаева № 92 и Гос. Публичной библиотеки № 94, но отличается от них, как это будет видно из сопоставления текстов, рядом существенных моментов.

Прежде чем обратиться к сопоставлению данной рукописи с близкими ей текстами XVIII в., приведу некоторые исторические данные о Себеже. В Псковской I летописи под 1535 г. читаем: „Того же лета замыслиша государь наш князь великий Иван Васильевич поставити город на Себежи озери в Литовской земли, 60 верст от Опочки и послаша большие воеводы Ивана Боутоурлина с силою города делати в Петров день; а кончан бысть месяца июля в 25...“²

В постройке города приняли участие не только псковичи, но и новгородцы, пославшие „посохи много... Себежа делати“. Но уже в 1536 г. под стенами молодой русской крепости появился неприятель. „Тоя же зимы, месяца февраля в 27 была Литва в заговейно в масленое под Себежом городком 20 000, приступиша в понедельник порану со всяким нарядом ратным и хотеша... воевод великого князя Ивана Васильевича и мужей себежан мечю предати и в плен вести: ино божиею милостию и государевым здоровьем, не мы их побили, но бог их побил, овых избиша нарядом городовым, а иные во озери истопиша, а иных под стеной побиа, аки свинеи, и Ририка воеводу оубиша Лядкого, а иных неведомо колке; и посрамлени и поведоша своя мертвыя с собою и живые, а замышления свои вся порергоша на озере“.³

На протяжении XVI—XVII веков шла упорная борьба с польским правительством за Себеж, этот исконный русский город, и город подвергался опустошительным набегам польских и литовских интервентов. „В 1537 г. король Сигизмунд «уступил» Себеж России; в 1560 г. литовцы взяли город; в 1570 г. Себеж вновь был утвержден за Россией; в 179 г. был взят Стефаном Баторием и в 1582 г. вновь возвращен России;

¹ Живая старина, вып. 1, 1894, стр. 81.

² Псковские летописи, вып. 1. Изд. АН СССР, М.—Л., 1941, стр. 107.

³ Там же, стр. 107, 108.

в 1634 г. Михаил Федорович Романов по миру, заключенному близ Вязьмы, возвратил Себеж полякам; в 1654 г. русские снова взяли Себеж. В 1660 г. Себеж был истреблен пожаром. В 1678 г. по перемирию, заключенному в Москве, был возвращен литовцам. В 1705 г. Петр I взял Себеж. В 1773 г. Себеж был переименован в уездный город Витебской губернии. В 1812 г. генерал Витгенштейн установил под Себежем шанцы, состоящие из вала и рва, и преградил дорогу Наполеону на Псков и Петербург“.¹

Память о Себеже сохранилась в устной былинной традиции лишь в названиях городов, созвучных Себежу. Вс. Ф. Миллер приводит ряд таких названий в контаминированных былинах об Илье Муромце и Соловье-разбойнике, сохранившихся в устной традиции XIX в. В записях Маркова город, освобожденный Ильей Муромцем от заморских царевичей, называется Чижен, Чиженец, в записях Рыбникова — Бежегов, Бекетовец, в записях Киреевского — Кидиш или Кидош, причем Вс. Миллер предполагает, что легендарный город Китеж был поставлен в былине вместо Себежа.² В. И. Даль сообщил также Миллеру о слышанной им, но, к сожалению, не записанной былине, в которой Илья освобождает от заморских царевичей город Кинешму. О существовании уже в XVIII в. и такого варианта свидетельствует краткое изложение Чулковым в предисловии к русским богатырским сказкам былины об Илье Муромце и Соловье-разбойнике. „Во время сего пути освободил он (Илья Муромец. — *В. Кр.*) удельного Кинешемского князя от Литвы, обступившей во множестве столицу его. Сие великое войско побил он палицею и успел однако... приехать к обедне в Киев, где окончил век в услугах великого князя, оказав множество чудесных подвигов“.³

Многочисленные лубочные сказки и повести об Илье Муромце и Соловье-разбойнике, издававшиеся на протяжении XIX и начала XX в., говорят об освобождении Ильей от заморских царевичей города Чернигова, и только в четырех изданиях упоминается вместо Чернигова Кинешма, очевидно по традиции, восходящей к чулковскому сборнику богатырских сказок.⁴ В живых записях от сказителей Ленинградской области за 1945—1946 гг. эпизод об освобождении Ильей Муромцем

¹ Исторические сведения о примечательных местах в Белоруссии с присовокуплением и других сведений, к ней же относящихся, составил ген.-майор Мих. Ос. Без-Корнилович, СПб., 1855, стр. 132.

² Очерки русской народной словесности, т. III, М., 1397, стр. 113.

³ Русские сказки, содержащие древнейшие повествования о славных богатырях, Сказки народные и прочие, оставшиеся через пересказыванье в памяти, ч. I, М., 1780, стр. 5 об.—6 об.

⁴ Илья Муромец и Соловей разбойник. М., 1873. — Илья Муромец и Соловей-разбойник, русская народная сказка. Изд. Морозова, М., 1874; 2-е изд. 1878. — Илья Муромец и Соловей разбойник, русская народная сказка. Изд. Анисимова, М., 1896. — О сильном храбром богатыре Илье Муромце и Соловье разбойнике. Изд. Е. Коноваловой, М., 1908 и 1913.

какого бы то ни было города отсутствует, и центральный интерес сосредоточивается на встрече богатыря с Соловьем-разбойником и позднейших подвигах Ильи на службе у князя Владимира.

Сохранившиеся в краткой версии былины об освобождении Ильей Муромцем Себежа и о бое с Соловьем-разбойником являются и наиболее древними. Имя Ильи, типичного богатыря освободителя, связалось с победоносной битвой за Себеж, неоднократно подвергавшийся в XVI—XVII вв. нападениям польско-литовских войск. Об известности Ильи Муромца в Белоруссии уже в XVI в. говорит, между прочим, и письмо оршанского старосты Филона Кмиты Чернобыльского к Остафию Воловичу от 5 августа 1574 г., жалующегося на свое печальное положение в Орше „на сторо́же“, где он терпит голод и холод подобно Илье, „который также стоял на сторо́же и испытывал пренебрежение со стороны князя“.¹

Многочисленность себежских вариантов говорит о местной их распространенности и географической их связи с южной псковщиной. О той же связи свидетельствует и упоминание в шести себежских вариантах „сел Кутузовых“, в которых лежит „злата казна“ Соловья-разбойника. Илья Муромец объезжает „села Кутузовы“ с пленным Соловьем у стремени.²

Род Кутузовых издревле был связан с псковщиной. Отметим, что род Кутузовых упоминается уже при Иване III: Кутузов Михаил Васильевич был послом Ивана III к воложскому воеводе в 1490—1497 гг.; Кутузов Юрий Иванович, окольныйничий в 1489 г., упоминается как воевода, покоривший Вятку в 1490 г.; Кутузов Федор Семенович был царским послом в Литву в 1495 г.³ Род Кутузовых внесен в родословные книги Новгородской, Псковской, Рязанской и Тверской губ.⁴ Псковскому полку⁵ было присвоено имя фельдмаршала Мих. Ил. Кутузова по местонахождению его родового имения в нынешнем Полновском районе Псковской обл., где сохранились, как сообщила А. П. Евгеньева, могилы Кутузовых на сельском погосте д. Гвоздно. Столь очевидная и столь ранняя еще с XV в. связь фамилии Кутузовых с Псковской областью вызывает предположение о неслучайном названии в былинах этих сел, названии, отсутствующем в черниговских вариантах.

Переходя к анализу списка Н. П. Лихачева № 287, отметим в первую очередь оригинальность его заглавия, не встречающегося ни в одной

¹ В с. Ф. Миллер. Очерки русской народной словесности, т. I. М., 1897, стр. 397.

² Забелин № $\frac{244}{1}$ и № 71; Лихачев № 74 и № 287; Барсов № 210 (у Тихонравова № 222 в искаженной форме: „В моих селах Кузузовых“).

³ Сборник Русского исторического общества, т. 60, СПб., 1387, стр. 464.

⁴ Гербовник, т. V, стр. 17.

⁵ Гениев. История Псковского пехотного генерал-фельдмаршала князя Кутузова Смоленского полка (1700—1881). М., 1883, стр. 247.

из известных рукописей этой былины: „История о двух сильных богатырях Илье Муромце и Соловье-разбойнике“, как бы подводящего Илью Муромца и Соловья-разбойника к одной категории богатырей по признаку силы. Во всех остальных „гисториях“, „повестях“ и „сказках“ об Илье Муромце название „богатырь“ и эпитеты „славный“, „сильный“, „могучий“, „храбрый“ относятся только к Илье.

Обратимся к сопоставлению данного списка с наиболее близкими к нему рукописями Забелина № 71 и Барсова № 210.

Зачины всех трех вариантов о выезде Ильи Муромца из Мурома после заутрени (у Забелина и Барсова „воскресной заутрени“) и завете не вынимать дорогой острой сабли из ножен и не накладывать тетивы на крепкий лук — совпадают. Далее начинаются значительные расхождения.

В вариантах Забелина № 71 и Барсова № 210 отсутствует эпическая картина приближения Ильи Муромца к Себежу, отличающая данный текст от кратких вариантов, но имеющаяся, с рядом различий, в расширенных вариантах, о чем будет сказано ниже.

И как поехал Илья Муромец от славного града Мурома и едучи дорогою, как будет онъ под Себежем, славным городом, услышал велики крик и шум и конное ржание. И поехал тут Илья Муромец и увидел, что под Себежем градом стоят три царевича заморския, а силы с ними триста тысяч.

У Забелина¹ же и Барсова² читаем скупые строки:

Как будет он под Себежем градом (у Барсова — под градом Себежем), и там стоят три царевича заморския, а силы с ними три ста тысяч.

Былинно-летописные черты описания приближения Ильи к Себежу — „услышал крик и шум и конное ржание“ — сближают новый вариант со списками Буслаева, Гос. Публичной библиотеки, Забелина $\frac{244}{1}$ и Лихачева № 74.

В дальнейшем данный текст отличается от всех себежских вариантов введением прямой речи заморских царевичей и эпическими строками о возмущении Ильи похвалюбою врагов.

И тако те три царевича между собою похваляются: возьмем мы за щитом Себеж грат и самого царя сибирскаго в полон возьмем.

¹ Л. Н. Майков. Материалы, II, СПб., 1891, стр. 32.

² Советская этнография, I, стр. 115. — Б. Соколов. Былины старинной записи. М., 1927.

И так тут услышал Илья Муромец
ту их похвалу великую, и богатырское
сердце неумичиво, и распалился Илья
Муромец на тех трех царевичев
и на их силу великую.

Описание гнева. Ильи не дает ни один из себежских вариантов. Забелинский и барсовский текст ограничиваются лаконическим изложением:

и хотели оне Себеж грат за щитом
взять, а самого царя себежского в
полон взять.

Картина боя Ильи под Себежем, широко развернутая в описываемом тексте, в вариантах Забелина № 71 и Барсова № 210 отсутствует: имеется лишь эпизод боя — погоня за врагом и уничтожение его „достальных людей“.

В списке Тихонравова № 222 бою под Себежем уделено три строки: „Илья Муромец вынимает свой вострый меч и побил их силу великую“.

В списке Буслаева говорится еще короче: „А Илья побил силу великую будто зайче стадо“.

Отметим, что в контаминированных былинах Забелина $\frac{24^1}{1}$ и Лихачева № 74 о бое под Себежем также говорится кратко: „И тут Илья Муромец завет свой переменяет, вострую саблю вынимает и напускает на всю силу ратную“.

Несколько подробнее рисуется бой под Себежем в списке ГПБ: „И тут Илья Муромец отвязывает свою востру саблю от седла черкаскаго и напускает на их силу великую как на галечье стадо и побил всю рать великую“. И только список Протопопова приближается по детализации к рукописи Лихачева № 287, но явно восходит к другому оригиналу.

Приведем параллельно наш и протопоповский текст:

Рукопись из собрания Лихачева № 287

И в то число отвязал свою саблю острую
о(т) своего седла черкаскаго
и напускает на ту силу великую.

И тако те три царевича своими полками
великими напустились (на) Илью
Муромца.

И потом Илья Муромец стал побивать
полки великия; и тако побивает, яко
лес кло-
нит к сырой земле: не столько

Илья Муромец
бьет, сколько ев(о) доброй
конь топчет. И было

то побоище великое.

Список Протопопова

... вынимает свою па-
лицу булат-
ную, напускается на рать
силу ве-
ликую, сколько бьет, а
вдвое конь
топчет, куда он не поедет —
улицы,
куда не поворотится —
слободы и
побил всю силу татарскую.¹

¹ Живая старина, вып. 1, 1894, стр. 81.

Значительно отличается описываемый вариант от всех остальных себежских списков и картиной торжественной встречи Ильи-победителя царем сибирским „во вратах градских“, „со всеми своими князи и бояры“:

И потом сибирский цар приказал отворить врата
градския и приказал князем и боярам собра-
тиса. И как они собрались, тогда сибирской
цар пошел на сретение
ко Илье Муромцу со всеми своими князи
и бояры и сретил ево во вратах градских.
И принимает ево за руки белья и целует
ево во уста сахарные. И в то время
Илья Муромец теми тремя царевичми
подарил царя сибирскаго.

В списках Гос. Публичной библиотеки № 192, Буслаева № 92, Тихо-
нравова № 222, Забелина № $\frac{244}{1}$, Лихачева № 74 царь сибирский (у Тихо-
нравова сибеской) никакой встречи Илье Муромцу не устраивает и только
обращается к нему с вопросом, как его по имени зовут.

В рукописях Забелина № 71 и Барсова № 21 картина встречи отра-
жена лишь в двух строках: „И потом себежской царь приказал отворить
(у Забелина „отворять“) врата градския и принимает Илью за руки
белые“.

В варианте Протопопова встречу Илье устраивают жители Себежа
„от мала до велика“, „просят милости к себе хлеба-соли кушать“
(о царе себежском вовсе не упоминается). „Себежские жители“ и указы-
вают Илье Муромцу прямую дорогу ко граду Киеву на леса брын[ские],
на грязи черные, на дороги, на смородину, на мосты калиновы“. описа-
ние прямоезжей дороги на Киев совпадает во всех себежских вариантах,
за исключением списков Забелина № 71 и Барсова № 210, кратко отме-
чающих в ответе себежского царя: „прямая у нас дорога лежит на мосты
калиновы“.

Списки Буслаева, библиотечный и контаминированные варианты Забе-
лина № $\frac{244}{1}$, Лихачева № 74 и Протопопова вносят в описание встречи
Ильи Муромца с Соловьем-разбойником черту, отсутствующую в данной
рукописи: окрик Ильи на коня, испугавшегося свиста разбойника.¹ В крат-
ких себежских вариантах Забелина № 71, Барсова № 210 и в данном
списке это обращение Ильи к коню отсутствует, но приготовление бога-
тыря к бою отличается в нашем списке характерной деталью:

И вынимает Илья Муромец свой крепкай
лук из валучья и наложил калену стрелу.

¹ В библиотечном списке: „Что, волчья сыть, рано надо мною сподтыкнулся“;
у Буслаева: „что ты, волче, спотыкаешься“; у Забелина $\frac{244}{1}$ — „Стой ты, волчья сытость,
травеной мешок, стой не спотыкайся...“ и у Лихачева № 74: „Что ты, волчья сыть,
травеной мешок, спотыкаешься от такой лески пугалицы, чучелы“, у Протопопова:
„Что ты, волчья шерсть, шарашисья“.

Из девяти себежских вариантов древний технический термин „налучье“ встречается лишь в четырех: в данной рукописи, в списке Тихонравова № 222 („и вымае из налучая свой крепкий лук“), у Забелина $\frac{244}{1}$ и Лихачева № 74: „и вынимает свой крепкой лук из налушника“. В черниговских же вариантах слово „налучье“ вовсе не применяется. Отметим, что „налучье“ упоминается еще в документах XVI в. в описании оружия Бориса Годунова под 1589 г.: „кругом налучи и колчана коймы набиваны серебром“.¹

В описании боя Ильи Муромца с Соловьем мы встречаем выражение „в то число“ — в смысле „в то время“, тогда как ни в одном из четырнадцати рукописных вариантов на этот сюжет такого словоупотребления не встречается. Список Лихачева № 287:

И в то число отвязал свою саблю острую
о(т) своего седла черкасакого . . .
. . . И в то число упал Соловей-разбойник
з девети дубов, что овсяной сноп.

Выражение „в то число“ в смысле „в то время“ встречается в рукописях XVII—XVIII вв. в приказных делах, в рядных записях, в литературных произведениях. Приведу примеры:

„. . . воевода де ис Темьякова, бояся ог них воров смертного убивьства, побежал и дворовые де ево люди разбежались же и в то де число при них Алимке с товарыщи прибежали к тем дворяном из лесу пещи темниковского воеводы люди. . .“²

„а с ним, Гришкою, по ее цар[ицыному] велению в той комнате она была она, Акулинка, и к тому Гришке она цар[ица], хаживала не в одно время и в то число ее Акулинку, высылали вон“.³

Описание подготовки Соловья к бою с Ильей смыкается с текстами Публичной библиотеки, Буслаева, Забелина $\frac{244}{1}$, Лихачева № 74, за исключением такой детали: вместо „збруи богатырской“, сыновья Соловья-разбойника в списке Буслаева надевали на себя „оружие богатырское“, в библиотечном списке „ружье богатырское“. „Збрую богатырскую“ надевали на себя соловьята и в списках Забелина № 71 и Барсова № 210, не приводящих, однако, спора о том, кто кого везет у стремени. Слова „взбруда латная“ встречаются и в варианте Протопопова („скоро Соловей-разбойник убрал взруду латную“). Выражение „збруя богатыр-

¹ И. Срезневский. Материалы для словаря древне-русского языка по письменным памятникам. СПб., 1902, т. II, стр. 237.

² Централхив, Крестьянство и националы в революционном движении 1666—1671 гг. Разинщина, материалы по истории революционного движения народов СССР. Союзкиз, 1931, стр. 18.

³ Н. Новомбергский. Слово и дело государевы, 1690—1763. Материалы, II. Томск, 1909, стр. 41—42.

ская“ в смысле вооружения богатыря встречается в „Сказании о киевских богатырях“ по списку XVII в.: „емлют всю збрую багатырскую“.¹

В списках Забелина № 71 и Барсова № 210 отсутствуют развернутые в описываемом варианте мотивы — отказ Ильи Муромца от угощения в доме Соловья и описание поездки Ильи в Киев. Непосредственно за предложением угощения у Соловья-разбойника Илья Муромец оказывается у князя Владимира, тогда как данный список не скупится на былин-ные формулы.

№ 273

А Илья Муромец с коня не взлезает и ествы
сахарные не кушает и пития сладкова
не испивает и погоняет своего добраго
коня ко граду Киеву. И как будет он
под градом Киевым и скачет прямо
чрес ограду белу каменную и въезжает
на широкой двор ко князю Владимиру.
И слезаеть [со] своего добраго коня и при-
вязавет ево к колцу серебрянному.
И в то время у князя у Владимира было
то пированье великое...

В списках Буслаева и библиотечном эпизод отказа Ильи от угощения в доме Соловья выражен лишь символически:

А Илья Муромец поворачивает
своим добрым конем ко граду Киеву
ко князю Владимиру.

В списке Лихачева № 287 благодарность князя Владимира Илье за его подвиги выражена иначе, чем во всех других себежских вариантах:

и добры кони не заповеданы
за твою службу верную багатырскую.

В библиотечном же списке читаем:

и добры кони не ижеждены.

У Буслаева:

и кони не заперты.

Выражение „заповедать“ в смысле „запретить“ встречается в рукописях XV—XVII вв. В Новгородской летописи читаем: „И прииде к Новуграду архиепископ Аким Корсунянин и требища разруши и Перуна посече и повеле влещи в Волхово и заповеда никому же нигде же не прияти“.²

О запрещении торговли резаными деньгами Софийская летопись говорит: „И государь князь великий... и мати его... помысля со своими

¹ П. К. Симо́ни. Памятники старинного русского языка и словесности XV—XVIII ст., вып. 1, Пгр., 1922, стр. 30.

² Новгородская летопись по синодальному харатейному списку, изд. Археографической комиссии. СПб., 1888, стр. 65 (половина XV в.).

бояры повелеша те резаные денги заповедати не торговати, а сливать их в серебро и делати новые денги без всякого примеса“.¹

Прежде чем перейти к выводам из сопоставления себежских вариантов, необходимо напомнить, как были разъяснены Тихонравовым различия в словах „сибирский“ и „себежский“ царь. Касаясь этого вопроса при разборе былины в сборнике Буслаева, Н. С. Тихонравов пишет: „Повесть о Илье Муромце указывает на более старый рукописный оригинал; некоторых слов писец очевидно не умел в нем понять. Так, он не разобрал надстрочной буквы «ж» и написал «себе», «себѣ» вместо «Себеж». Неразобранное имя писец старался осмыслить по своему разумению и вместо «Себежскова» или «Сибезскова» писал «Сибирскова»“.²

Наименование Сибирский царь, вместо Себежский, мы встречаем в рукописях Буслаева, библиотечной, Забелина № $\frac{244}{1}$, Лихачева № 74 и в рассматриваемом варианте. У Тихонравова № 222 читаем: „Сибеской“ и „сибѣски“ и даже царевичи, осаждающие Себеж, называются в этом списке „сибеския“.

Такое же объяснение искажению слова „себежский“ дает Л. Н. Майков: „в первоначальной записи слово «Себежской» могло быть написано с выносным наверх «ж», и потому было прочтено как Себерской или Сибирской. Ошибка была тем возможнее, что в старину название зауральских стран нередко писалось «Сибѣрь» также с вынесенным наверх окончанием“.³

Сличение себежских текстов показало, что список Лихачева № 287 восходит к неизвестному оригиналу, сочетающему в себе типичные особенности кратких вариантов (Забелинского № 71 и Барсовского № 210) — с отдельными деталями буслаевского и библиотечного списков и в то же время имеющему свои оригинальные, не встречающиеся ни в одном из известных списков XVIII в. черты.

В пользу предположения о том, что рукопись № 287 из собрания Лихачева является копией с более древнего списка, говорит не только ее богатый книжно-архаический словарь, но и характерные для списателя ошибки при переписке непонятных слов. Такой пример дает транскрипция слова „покаине“ (л. 4 об.): „Остави душу мою хотя на покаине“. В оригинале, очевидно, стояла стяженная форма „поканне“ (вместо покаяние), отмеченная Каринским⁴ (Палея 1494 г. — „оканный“, вм. „окаянный“, „оканныи“ вм. „окаяннии“). Эту непонятную уже писцу форму писавший исправил на „покаине“. Аналогичную ошибку сделал писец при переписке слова „себежской“, заменив его словом „сибирской“ (см. выше объяснение Тихонравова и Майкова). Ошибочное повторение слов при списывании — „ровна-ровна тридцать лет“ (л. 4), более свой-

¹ Софийская 2-я летопись. ПСРЛ, т. VI, СПб., 1853, стр. 119—358, 297 (XVII в.).

² Н. С. Тихонравов. Пять былин по рукописям XVIII века. М., 1891, стр. 8.

³ Л. Н. Майков. Материалы и исследования. СПб., 1891, стр. 14.

⁴ Н. М. Каринский. Язык Пскова и его области в XV в. СПб., 1909, стр. 27.

ственное копиисту, чем пишущему по памяти или с голоса, также свидетельствует о том, что перед нами копия с более древней записи.

Диалектические особенности, резко отличающие данный вариант от всех рассмотренных выше, доказывают, что рукопись принадлежит перу псковича и более точно — жителя южной псковщины, граничащей с Белоруссией: а) аканье: *багатырех, саловой, острай, крепкай, царевичав, вспатыкнулса, добрай, ровна, толька, багатырскую*; б) мягкое *т* в 3-м л. ед. и мн. числа: *везеть, говорить, надевають, отвецшаеть, лежить*; в) твердое *р*: *царь, таперь, прамой, багатырь*; г) *в* в окончаниях род. падежа местоимений и прилагательных: *ево, сладкова, булатнова*; д) иканье — *царивича*; е) цоканье — *чаревича, чаревичав*.

Фонетические особенности транскрипции данного текста указывают на средне-великорусский говор с белорусским наслоением (твердое *р*) и на частичное влияние южно-великорусского говора (мягкое *т*, мягкое окончание Владимиря, Владимирю, иканье).

В трудах Московской диалектической комиссии к средне-великорусским говорам с белорусским наслоением относятся „акающие говоры Псковской губернии... и, повидимому, говоры самых северных частей Витебской губ..., примыкающих к Псковской губ.“, причем эти говоры „восходят к старым говорам бывшей Псковской области, стоявшим в родстве со старыми новгородскими говорами. Белорусское влияние проникло в них не позже XIV в.“¹

Некоторые особенности морфологии описываемой рукописи также подтверждают ее псковское происхождение: окончание родительного падежа множественного числа на *ов* и *ев* (по аналогии с основами на *у*): *царев, тропарев, носителей*² (в нашей рукописи „царевичав“).

Для большинства псковских рукописей XV в. характерны пропуски согласных, „особенно часто пропускается *в*, например в слове «возратиться»“³

Публикуемая рукопись как раз дает аналогичный пример: (л. 1 об.) „и возвратилса ко граду Себежу“.

К главным особенностям псковских памятников А. А. Шахматов относит смешение в них букв *я* и *е*, букв *ы* и *и*, букв *е* и *и*, отвердение на письме *р*, но ошибочно видит здесь „искусственные приемы графики, почему-то полюбившиеся псковским книжникам“. Но даже если принять и эту точку зрения, то ею еще раз подтверждается псковское происхождение описываемой рукописи, отражающей все эти особенности.

Книжные обороты „и тако“, „яко“, „аще“, „рече“, „внял“, „отвецшает“, „хощет“ сочетаются с живой народной речью: „Вон де едет наш батюшка“ (л. 2), „ажно подо мною конь вспатыкнулса“, „возглянул во оконце“ (л. 3 об.), „тебе у меня... казна не заперта“ (л. 5), „упал... что овсяной сноп“ (л. 4 об.).

¹ Труды Московской диалектологической комиссии, вып. 5, стр. 36, М., 1915.

² Каринский, ук. соч., стр. 191, 203.

³ Там же, стр. 188.

Былинные формулы составляют около трети всего текста. В целом рукопись представляет собою повесть, написанную ритмической речью, изредка прерываемую прозаическими переходами, например:

И как поехал Илья Муромец от славнаго града
Мурома и едучи дорогою, как будет он под Се-
бежем, славным городом...

И потом Илья Муромец стал побивать полки
великия...

А Илья Муромец спрашивает у него прамои
дороги ко граду Киеву...

Себежские краткие варианты, восходящие, как мы видели, к первой четверти и второй половине XVIII в., отличаются от более поздних своей сосредоточенностью вокруг центрального события — освобождения Ильей Муромцем города Себежа. По отношению к этому событию победа над Соловьем-разбойником — дополнительный эпизод.

Контаминированные себежские варианты, относящиеся уже ко второй половине XVIII в., служат как бы естественным переходом к еще более поздним черниговским контаминациям конца XVIII — и 30-х годов XIX в. Черниговские списки уже утратили воспоминание об эпической битве под Себежем. Илья Муромец освобождает город Чернигов и получает благодарность от князя Киберского (отдаленный намек на царя себежского, сибирского) и воеводы Черниговского: „И как стал пир навеселе, и стали князь Киберской и воевода Черниговской спрашивать: «Пожалуй скажи, удал доброй молодец, как тебя зовут по имени и по отчеству и уроженец которыя земли и роду христианскова ль?»».¹

Из четырех рукописных черниговских вариантов цитированный выше опубликован впервые Майковым по рукописи Забелина № 82 и представляет собою сложную контаминацию ряда былинных сюжетов об Илье Муромце, а три текста, напечатанные Б. М. Соколовым по рукописям Барсова (относящимся к концу XVIII — 30-м годам XIX в.), уже вплотную примыкают к лубочным текстам,² весьма далеким от четких своей историчностью себежских вариантов. Черниговские тексты и получили в XIX — начале XX в. столь широкое распространение в лубочных изданиях Сытина, Коноваловой, Абрамова, Морозова и других, тогда как битва Ильи Муромца под Себежем осталась как исторический памятник в самых древних списках и в том числе в замечательной истории „О двух сильных багатырех, Илье Муромце и Соловье-разбойнике“.

(а. 1) История о двух сильных багатырех Илье Муромце
и о Соловье-разбойнике

Во славном граде Муроме слушал Илья Муромец
заутреню, похот держал ко граду Киеву,

¹ Майков. Материалы и исследования... стр. 34, СПб., 1891, по рукописи Забелина № 82.

² Сказка об Илье и Соловье-разбойнике. Рукоп. сб. Барсова № 30, 30-х гг. XIX в. Сов. этнография, II, 1927, стр. 304—306.

ко славному князю Владимирю Всеславьевичу, а завет положил чтобы отнют во всю широкою дорогу острой сабли из ножен не вынимать, а на крепкой лук тетивы не накладывать.

И как поехал Илья Муромец от славного града Мурома и едучи дорогою, как будет он под Себежем, славным городом, услышал велики крик и шум и конное ржание, и наехал тут Илья Муромец и увидел, что под Себежем градом стоят три царевича заморския, а силы с ними триста тысяч.

И тако те три царевича между собою похваляются: возмем мы за щитом Себез грат, а самого царя сибирскаго в полон возмем.

И так тут услышал Илья Муромец ту их похвалу великою. И богатырское сердце неумичиво, и распалился Илья Муромец на тех трех царевичев и на <и>¹ силу великую,

(л.1об.) И в то число отвязал свою саблю острую о<т> своего седла черкаскаго и напускает на ту силу великую.

И тако те три царевича своими полками великими напустились <на> Илью Муромца.

И потом Илья Муромец стал побивать полки великия; и тако побивает, яко лес клонит к сырой земле: не столько Илья Муромец бьет, сколько ев<о> доброй конь топчет. И было то побоище великое.

И те три царевича увидели над со<бо>ю смерть скорую и побежали своими людьми малыми на морскую пристан.

И тако Илья Муромец поехал всугонь за тремя царевичами и нагнал их в морской пристани и достальных людей побил, а трех царевичав в полон взял и возвратился ко граду Себежу.

И в то время увидели гражданския со стены градския, что Илья Муромец возвратился ко граду Себежу, и возвестили своему царю сибирскому о Илье Муромце.

И потом сибирской цар приказал отворить врата градския и приказал князем и боярам собраться. И как они собрались, тогда сибирской цар пошел на сретение

¹ В ломаных скобках здесь и ниже помещаются явно пропущенные по ошибке буквы.

(л. 4) ко Илье Муромцу со всеми своими князи и бояры и сретил ево во вратах градских. И принимает ево за руки белья и целует ево во уста сахарные. И в то время Илья Муромец теми тремя царевичи подарил царя сибирскаго.

И говорит ему сибирской цар: — Гой еси ты доброй молодец, как твое имя и коего ты города?

Отвещает Илья Муромец: — Зовут меня Ильею, по отчеству Иванов с(ы)н, уроженец города Мурома.

Потом рече сибирской цар: — Откуда твоя дорога случилас?

Отвещает Илья Муромец: — Еду я на мосты калиновы.

И рече сибирской цар: — Живи ты у меня, Илья Муромец, и служи верою и правдою, и я дам тебе полцарства своего.

А Илья Муромец спрашивает у него прамой дороги ко граду Киеву. И рече сибирской цар: — Прямая у нас дорога лежить ко граду Киеву на тсе¹ леса брянския, на грязи топучия, на мосты калиновы, на реку Смородину, только та у нас дорога залегла ровна ровна тритцать лет от Соловья-разбойника, никаков человек не прохожевал и птица не пролетавала.

(л. 4 об.) И тут богатырское седрце² разгорелася, и поехал Илья Муромец тою прямою дорогою ко граду Киеву. И как будет он на мосту калиновым на реке Смородине, и внял ево Соловей-разбойник и засвистал своим посвистом. И в то время под Ильею Муромцем добрай ево конь спотыкнулса. И вынимает Илья Муромец свой крепкай лук из налучья. И наложил калену стрелу и убил Саловья-разбойника в правай глас. И в то число упал Саловей-разбойник з девети дубов, что овсяной сноп, а Илья Муромец слес <со> своего добраго коня и сел у него на пелы груди и хочет вынет

¹ т не закончено: оборван край листа.

² Описка писателя: седрце вместо сердце.

ретиво сердце. И возмолится ему Саловой разбойник: — Гой еси ты сильной могучей богатыр Илья Муромец, сын Иванович, остав душу мою хотя на покаине.

И говорит ему Илья Муромец: — Скажи ты мне, Соловей-разбойник, всю правду: где твоя лежить злата казна?

(л. 2) Отвещает Саловой-разбойник: — Лежит моя злата казна в моих селах Кутузых: ес гонѣцы гоняют по два мѣсяца а скоро-наскоро в един месяц.

И тут Илья Муромец привязал Соловья-разбойника к своему стремени булатному, и пое(ха)л Илья Муромец, и будет под селами Кутузывами.

И увидели Соловья-разбойника ево двенадцать сынов и говорят: — Вон-де едет наш батюшка, а мужика везет у стремени привязана. А большой с(ы)н говорит: — Тот едет Илья Муромец, а батюшку везет у стремени булатнова.

И тут бросилис ево двенадцать сынов в злату казну и надевают на себя збрую богатырскую и хотят с ним побитися.

И говорить Соловей-разбойник: — Вы мое дети милыя, не дразните сильнаго богатыря Илью Муромца.

(л. 2 об.) Аще вы ево раздразите и нам от него всем и живым не быть. Зовите вы ево за столы дубовые, за скатерти браныя, за ествы сахарные, и подносите ему меду.

А Илья Муромец с коня не злезает и ествы сахарные не кушает и пития сладкова не испивает и погоняет своего добраго коня ко граду Киеву. И как будет он под градом Киевным, и скачет прямо чрес ограду белу каменную и въезжает на широкой двор ко князю Владимирю.

(л. 3) И слезает (со) своего добраго коня и привязавает¹ ево ко колцу серебрянному.

¹ Приписано Илья на поле рукописи другим почерком и другими чернилами против „вязавает“.

И в то время у князя Владимиря было то пиrowанье великое.

Пошел¹ Илья Муромец в ту палату белу каменную и молится он чудным образом, а князю Владимирю поклоняется, а после на все четыре стороны.

(л. 3) Потом князь Владимир принимает Илью Муромца за руки белые и сажает ево за столы дубовые, за скатерти бранья, за ествы сахаръные, а сам говорит: — Гой еси ты добрай молодец, как твое имя и коего ты града?

Отвещает Илья Муромец: — Зовуть меня Ильею, по отечеству Иванов с<ы>н, уроженец града Мурома.

Потом рече князь Владимирь: — Давно ли ты, Илья Муромец, поехал из Мурома?

Отвещает Илья Муромец: — Поехал я из Мурома отслушавши заутреню воскресную. И как я буду под градом Себежем, ажно стоят три царевича заморския, а силы с ними триста тысяч, и хотели они Себеж град за щитом взять, а самого царя сибирскаго в полон взять, и я ево выручил и побил всю ратную силу великую, а трех царевиче<в>² в полон взял, отъдарил царя сибирскаго.

(л. 3 об.) Вторая притчина была, как я буду на мосту калиновом на реке Смородине, и засвистел Соловей-разбойник своим посвистом, ажно подо мн<о>ю кон вспатыкнулса, и я ево излучней убил в правой глас и привес ево с собою в Киев грат и тепер он стоит у моего добраго коня.

И выглядывает князь Владимир во оконце и велел Соловью-разбойнику засвистать. Отвещает Соловей-разбойник: — Не твой я слуга, не слушаю тебя, а слушаю я государя своего, великаго богатыря Илью Муромца.

¹ Приписано „потом“ на поле рукописи тем же почерком, но мелкими буквами рядом со словом „пошел“.

² Слово царевичев не закончено, оборван край листа. По соответствию со словом „царевичав“ (л. 1) и в „царевичев“ (л. 1 об.) восстановлено окончание „в“.

И тут Илья Муромец взглянул во оконце и велел Соловьѹ-разбойнику засвистать.

И Саловей-разбойник стал свистать.

И в то число у богатыря кресла подломилися, а у князя Владимира кресла упали, и у палаты своды подтреслися.

(л. 5) И князь Владимир Всеславич стал быть навеселе <и>¹ говорит такую реч: — Тебе у меня, Илья Муромец, злата казна не запорта, и добры кони не заповеданы, за твою службу верную, багатырскую. Послужи ты мне верою и правдою, покажи свою силу богатырскую. Тако скончася

История.

¹ и вставлено нами, так как после слова „навеселе“ часть листа вырвана, союз же должен был следовать за словом „навеселе“.

20
33

Завахромилъ харомиевца
итки нашь (сѣбъ) нагнѣши въ
лово да гнѣши (сѣбъ) нагнѣши
лово воми батюшково а вроз
индѣеши во великого индѣе
дмитра. Какъ отъ Иванъ Годи
новичъ гудородо (Годиновичъ)
блоро придорожнико Невтра
шиа а вудеи придорожнико
Но бари влората во тры свои
воротача (соли) (сѣрѣ) вора ира
Солоуши (верей) пошаталися
тыниши въ (по) дилихъ на
бѣдѣ (сѣ) годникоднѣ (сѣ) во
ра (сѣ) стинодо (сѣ) выходи (сѣ) дмитра

Былина об Иване Годиновиче.

(Рукоп. Ленинградского отделения Института истории АН СССР, собр.
Н. П. Лихачева, № 201, л. 20).